

УДК 330

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА (о книге П.А. Минакира, А.Н. Демьяненко «Очерки по пространственной экономике»)

В.Н. Лаженцев

Лаженцев Виталий Николаевич – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия, 167982. E-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru.

DOI: 10.14530/se.2015.2.180-188

Рецензируемая монография [10] состоит из пяти очерков: о методологии; эволюции исследовательских программ по пространственной экономике; зарубежные исследовательские программы по пространственной экономике; российская школа пространственной экономики; экономическое пространство современной России. Заявлены две ключевые установки: показать роль пространственного анализа, ориентированного на исследование, измерение и максимизацию экономических системных эффектов в пространстве; отразить условия и ограничения достижения общего социального равновесия в системе национальной и региональных экономик. Авторы обозначили также некую исходную для себя позицию, а именно: во все времена и почти во всех классических экономических теориях пространство рассматривалось в качестве основного параметра развития общества, но надо учитывать, что само общество имеет специфические характеристики, например, российская и «западная» экономические системы пронизаны разными принципами идеологического и этического свойства.

Все пять очерков весьма интересны, однако рамки и сам жанр статьи-рецензии заставляют сосредоточиться лишь на главных (с нашей точки зрения) моментах. К ним можно отнести вопросы методологии изучения экономического пространства и научное обоснование пространственной экономики как исследовательской программы.

© Лаженцев В.Н., 2015

Пространственная тематика в настоящее время приобрела особую актуальность за рубежом и в нашей стране, что является отражением потребностей общественного развития. Такого рода потребность возвышена до философско-методологического уровня и рядом авторитетных исследователей рассматривается в аспекте научных революций и парадигм.

Экскурс авторов рецензируемой монографии в сторону концепции Т. Куна о научных революциях применительно к географии и экономике показал, что ничего особо содержательного данная концепция в методологию изучения пространственных аспектов развития общества не внесла. Отцы-основатели региональной экономики У. Айзард и Д. Бойс «легко обходятся без научных революций и парадигм» [10, с. 22]; пожалуй, это можно отнести и к основателям российской школы региональной экономики А.Г. Гранбергу, Н.Н. Некрасову, О.С. Пчелинцеву и др.

Сомнения в полезности концепции революций для формирования методологии пространственного анализа были высказаны и некоторыми известными географами (Р. Дж. Джонстоном, Д. Стоддартом, П. Уиллером), которые полагают, что множественность подходов к изучению пространственных процессов вовсе не означает какого-либо революционного сдвига в целой научной дисциплине, а скорее относится к психологии отдельно взятого научного работника. Известные географы-экономисты, которые все же решили с помощью концепции Т. Куна показать необходимость или факт свершения революции в географии (П. Тейлор, П. Хаггет, Р. Дж. Чорли, Д. Харвей), достигли весьма существенных результатов в научном объяснении пространственной динамики социальных и экономических процессов, но им не удалось сформировать новой методологии исследования данных процессов.

Теперь надежды на «революции и парадигмы» связаны с работами П. Кругмана, а более всего — с его авторитетом как нобелевского лауреата (за анализ структуры торговли и размещения экономической активности — 2008 г.). П. Кругман впервые с позиции методологии пространственного анализа отразил существенную новизну в тематике размещения [13]¹. Было показано, что самые востребованные экономические теории совершенной и несовершенной конкуренции, институализации рыночной экономики тесно связаны с теорией пространственной организации общества. «Причина, по которой пространство все же было принято к рассмотрению мейнстримом, проста: несовершенная конкуренция больше не воспринимается как не поддающийся моделированию феномен, а потому теории на базе эффектов масштаба более не находятся вне игры» [7, с. 124]. Эффект возрастающей отдачи объясняется

¹ Обстоятельный анализ работ П. Кругмана, имеющих непосредственное отношение к роли пространства в экономическом развитии, выполнил А.Н. Пилясов под углом зрения зарождения новой экономической географии [11]. Не менее обстоятельный, но не столь восторженный отклик на исследования данного автора можно найти и в рецензируемой книге.

пространственной мобильностью не только факторов производства, но и организационных структур управления, их влиянием друг на друга. Подобная роль пространства проявляется во всех формах «экономической активности».

Смещение акцентов в анализе размещения агентов и факторов производства со статики на динамику П. Кругманом и рядом других авторов обозначено как новая экономическая география. Если такого рода новизну рассматривать в качестве факта самой реальности, то против ее (новизны) нет никаких возражений. Действительно, происходящие ныне преобразования в размещении производственных, трудовых и финансовых объектов и процессов впечатляют. Общественные формы организации хозяйства вроде те же (концентрация, специализация, комбинирование, кооперирование, интеграция), но содержание их становится совершенно другим. Теперь решающую роль играет территориальная концентрация знаний и инноваций; страны и регионы во все большей мере специализируются в силу исторических приобретений; пространственно комбинируются интеллектуальные возможности творческих сообществ, происходит их кооперирование в рамках территориальных кластеров с решением конкретных проблем инновационного развития; межстрановая и межрегиональная интеграция все более осуществляется как управляемая взаимосвязь разнообразных сфер деятельности. Усилился попутный эффект от одного вида деятельности для ряда других видов и соответственно возросла взаимообусловленность размещения разнообразных хозяйств. Весьма мобильным стал топ-менеджмент. Огромную роль стали играть нематериальные активы, людские, денежные и информационные потоки.

Но дело в том, что сам П. Кругман, а следом за ним и некоторые российские географы [8; 11], новизну реальных перемен переносят на предметную сущность экономической географии как науки, полагая, что она претерпевает революционные преобразования и насыщается новыми парадигмами. Вместе с тем, география (как и наука в целом) по-хорошему консервативна и выполняет свою миссию в исторически заданных параметрах. В нашей стране уже давно сложилось солидарное понимание сущности предметного содержания географии «как науки о законах развития пространственно-временных систем, формирующихся на земной поверхности (в масштабе, позволяющем представить их на общегеографических и тематических картах) в процессе взаимодействия природы и общества, о методах регулирования этих систем и управления ими» [12, с. 11]. Академик П.Я. Бакланов прав, утверждая, что прежде чем «менять парадигму» под влиянием зарубежных авторов, надо толком реализовать теоретическое наследие отечественной географии с учетом новых социально-экономических обстоятельств [2].

«Стержнем» географии традиционно является изучение и проектирование территориальных хозяйственных систем. В изучении пространственной

соразмерности и взаимообусловленности природных и общественных процессов появляется поле общих интересов экономической географии и региональной экономики. Географы как бы помогают экономистам материализовать пространство в виде геосистем определенного картографического масштаба, а экономисты раскрывают механизмы функционирования данных систем как территориально-хозяйственных образований. Но главное (и это особо подчеркивают П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко) не в разделении наук и их функций, а в междисциплинарном синтезе в рамках определенных исследовательских проектов. Актуализация теории и методологии пространственного развития обусловлена именно возвышением роли междисциплинарного синтеза.

Что же касается «революций и парадигм» непосредственно в экономической науке, то их умозрительность и утрированное толкование приводят, по мнению авторов монографии, к преувеличению роли отдельных школ, направлений и методов, а в итоге – к кризису экономической теории. «Вероятно, необходимо говорить о восстановлении теоретического плюрализма в экономике, а следовательно, о дальнейшем развитии параллельных теоретических исследовательских программ с поиском экспериментальных подтверждений соответствия их постулатов и предпосылок реальным экономическим процессам и фактам» [10, с. 34]. Кстати, в отличие от географии инновационный подход к предметной сущности региональной экономики не столь заметен. После того как в 1978 г. академик Н.Н. Некрасов определил региональную экономику в виде отрасли экономической науки, изучающей «совокупность экономических и социальных факторов и явлений, обуславливающих плановое формирование и развитие производительных сил и социальных процессов в региональной системе страны и в каждом регионе» (определение процитировано и в рецензируемой монографии на с. 203), экономисты и географы немного подискутировали по поводу данной дефиниции и успокоились. Правда, теперь мы переживаем времена, когда «нет ни производительных сил, ни производственных отношений» (по М. Жванецкому). Поэтому можно принять и определение П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко: «...региональная экономика есть исследование закономерностей формирования, функционирования и взаимодействия экономических комплексов (экономических регионов) в пространстве» [10, с. 68]. По поводу этой дефиниции можно подискутировать, но также немного...

Не парадигмы и революции по Т. Куну, а исследовательские программы по И. Лакатосу – одна из методологических установок рецензируемой книги. Обращение к трудам И. Лакатоса не случайно. Он убедительно показал, что научно-исследовательская программа является одной из основных единиц научного знания; она представляет совокупность и последовательность те-

орий, связанных общностью основополагающих идей и принципов¹. Какие идеи и принципы берет исследователь, синтезируя знания и методы различных наук, — от этого зависит результат его научного поиска! Для авторов монографии (и рецензент в этом с ними солидарен) важно и то, что И. Лакатос связывает «жизнь» исследовательской программы с решением конкретной проблемы, которая (как и сама программа) зарождается, то есть фиксируется как неудовлетворительное состояние целеустремленной системы, проходит определенные стадии своего решения и завершается получением рецептурных знаний и формулировкой рекомендаций. Работа в ключе «проблема — программа» для наших географов, экономистов, философов-методистов привычна, и ее технология более-менее понятна.

Вместе с тем, П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко на проблемно-программный уровень выводят саму «пространственную экономику», включая ее теоретические и методологические начала. Первоначально проблема адресуется к самой науке и формулируется вопросами, не имеющими однозначного ответа, например, что такое «экономическое пространство», какие оно имеет типологические характеристики, какие изменения в нем и соответствующих программах по его исследованию происходят? Обсуждение этих вопросов, проведенное в монографии с обращением к позициям многочисленных авторов, позволяет сформулировать относительно несложные суждения.

- Пространство воспринимается людьми как поле своей деятельности, имеющее размерность, достаточную для получения желаемых результатов. Оно должно быть адекватным параметрам воспроизводства условий жизни и развития различных хозяйств (домашних, общинных, муниципальных, фирменных и др.).

- Применительно к социально-экономической сфере понимание пространства конкретизируется через изучение определенных общественных процессов: освоение территории, ее обживание, размещение производства, расселение населения, улучшение экономико-географического положения районов и городов.

- Экономический смысл имеют измерение расстояний изокостами, изохронами, изодоланами (по Веберу) и другими затратными показателями, параметризация взаимодействия центра и периферии, оформление конфигурации хозяйственных систем и др.

- Пространство надо оценивать как благо и соизмерять с другими материальными и духовными ценностями.

¹ «Согласно моей методологической концепции, исследовательские программы являются величайшими научными достижениями и их можно оценивать на основе прогрессивного или регрессивного сдвига проблем; при этом научные революции состоят в том, что одна исследовательская программа (прогрессивно) вытесняет другую. Эта методологическая концепция предлагает новый способ рациональной реконструкции науки» [9].

- Качество пространства является предметом управления. Поэтому научные исследования социально-экономического пространства в их практическом приложении нацелены на совершенствование территориального планирования и проектирования. Они способствуют построению эффективной системы взаимодействия различных субъектов хозяйствования ради формирования благоприятной институциональной среды – активной структуры пространства, задающей правила поведения экономических и социальных агентов и условия трансформации целых систем. Не случайно экономическая наука все чаще оперирует такими понятиями, как «единое экономическое пространство», «приватизированное пространство», «пространственное поведение», «экономическая плотность», «хозяйственная функция места» и т. п.

- Пространство любого вида экономической деятельности имеет свои параметры; какая деятельность, такое и пространство. Интегральное экономическое пространство – это пространство деятельности ряда экономических агентов (распорядительных центров) в границах совместного и сопряженного взаимодействия ради достижения синергетического эффекта.

- В итоге речь идет о таком пространстве, которое соотносится с общественным сознанием, социальной стратификацией и кластеризацией, пространственным поведением людей, духовным развитием и т. п. В общем виде пространство рассматривается как пространство социального действия и система координат, заданных спецификой деятельности субъекта и его ориентацией на жизнь в благополучной окружающей среде [3; 4; 6].

- Пространство, взятое в проекции потребностей человека и общества, по своей сути социально, что по значению выше, чем его чисто экономические характеристики. Поэтому авторы монографии вслед за академиком В.М. Полтеровичем правомерно склоняются к идее общего социального анализа, как нового синтетического направления в системе социально-экономических исследований.

- Российское пространство проблематично в части повышенных транспортных затрат, надежности сетей энергетики и связи, чрезмерной дифференциацией условий жизни, неоднозначного в разных местах соотношения ренты: положительной – по природным ресурсам и отрицательной – по природным условиям и экономико-географическому положению.

Все перечисленные характеристики пространства в монографии прослеживаются исторически: экономика мест → экономика регионов → экономика интегральных региональных систем → национальная экономика → мировые экономические альянсы. По мере этого движения экономическое пространство усложняется. В конечном итоге возникает вопрос: каким должно быть пространство жизни, чтобы избежать огромных потерь энергии и вещества, чтобы защитить людей от чрезмерных перегрузок, возникающих в

результате скученности, загрязнения атмосферы, постоянных (ежедневных) и затратных по времени переездов на работу и обратно и, наконец, от социальной поляризации людей? Именно этот вопрос и определяет новый взгляд на современную проблематику классической экономической географии [5].

С точки зрения концепции «пространственная экономика как исследовательская программа» П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко подробно рассмотрели теоретические и практические опыты изучения и формирования систем размещения экономической и социальной деятельности. Сделано это в рамках системного изложения четырех школ пространственного анализа: немецкой, французской, англосаксонской и российской. Казалось бы, все давно известно¹. Но интерпретация результатов данных школ в монографии имеет определенную новизну.

У автора этих строк (наверное, как и у многих его коллег) припоминание лидеров — классиков экономической географии и региональной экономики в первую очередь связано с их теориями, то есть с идеальными образами пространственных систем: кольца Тюнена, штандорты Вебера, решетки Кристаллера, экономический ландшафт Лёша, анизотропная модель Доманьски, концентры Пробста, энергопроизводственные циклы Колосовского, природно-ресурсные циклы Комара, линейно-узловые системы Родомана и т. п. В памяти закрепились схемы и некоторые формулы. Как будто формализация пространственно-экономических закономерностей и есть суть теорий указанных авторов. Но это не так. Суть заключается в проблемности поставленных вопросов: как распределить с максимальной выгодой земельные ресурсы относительно центра потребления сельскохозяйственной продукции с учетом минимизации транспортных затрат; каково оптимальное положение отдельного предприятия с учетом предельной плотности размещения промышленности; какова оптимальная сеть центральных мест (иерархии городов) и транспортных коммуникаций; можно ли оптимизировать расположение рыночных зон с учетом интересов всех агентов рынка, включая и финансовые институты, так, чтобы получить максимальный эффект за счет ускорения оборота капитала и т. д.? Ответы на данные вопросы требуют соответствующих исследований, включающих геометрические и экономические измерения, определение социальных и правовых (в том числе права собственности) условий формирования и развития конкретных систем размещения единичных и комбинированных хозяйств. По сути вся атрибутика указанных школ пространственного анализа сводится к разработке и реализации исследова-

¹ Заметим, что российское научное сообщество гораздо лучше знает зарубежную пространственную тематику, чем зарубежные исследователи — российскую. Например, А. Лёш у нас более известный ученый, чем в самой Германии [1]. Профессор МГУ Т.М. Калашникова рассказывала, что Н.Н. Колосовского впервые пригласили на одну из международных конференций в 1974 г., то есть через 20 лет после его смерти.

тельских программ, что имеет свою технологию, основанную на методологии междисциплинарности¹.

Пространственная экономика как исследовательская программа не стоит в общем ряду классифицированных наук (экономической географии, региональной экономики, экономической социологии и др.). По мнению авторов монографии, она является своего рода платформой для междисциплинарного синтеза ради изучения фундаментальных проблем пространственной организации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Август Лёш как философ экономического пространства. К столетию со дня рождения. Седьмые сократические чтения (Вологда, 6–9 мая 2006 г.) / под ред. В.А. Шупера. М.: Изд-во «Эслан», 2007. 331 с.
2. *Бакланов П.Я.* Заметки по поводу статьи А.Н. Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России» // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 166–172.
3. *Верлен В.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. № 2. Т. 1. С. 25–46.
4. *Дмитриева Т.Е.* Методология пространства действия. Специфика пространства развития // Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на российском Севере / отв. ред. В.Н. Лаженцев. Москва – Сыктывкар, 2012. С. 8–31.
5. Доклад о мировом развитии – 2009. Новый взгляд на экономическую географию. Обзор. Вашингтон: Всемирный банк, 2009. 33 с. URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2009.pdf> (дата обращения: 15.04.2015).
6. *Доманьски Р.* Экономическая география: динамический аспект. М.: Новый хронограф, 2010. 376 с.
7. *Кругман П.* Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 121–137.
8. *Куричев Н.К.* Новая экономическая география: взгляд экономико-географа // Региональные исследования. 2011. № 4. С. 3–16.
9. *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки (из Бостонских исследований по философии науки). М.: Прогресс, 1978. С. 203–235.
10. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В.М. Полтерович. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
11. *Пилясов А.Н.* Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. № 1. С. 4–31.
12. *Саушкин Ю.Г.* Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М.: Просвещение, 1980. 269 с.
13. *Fujita M., Krugman P., Venables A.J.* The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge: The MIT Press, 1999. 367 p.

¹ Здесь следовало бы сделать экскурс в сторону школы С.П. Курдюмова (о синергетике и других исследовательских технологиях), но это требует «места и времени» уже не в рамках данной рецензии.

SPATIAL ECONOMICS AS A RESEARCH PROGRAMME
(on the Book by P.A. Minakir, A.N. Demyanenko
«Essays on Spatial Economics»)

V.N. Lazhentsev

Lazhentsev Vitaliy Nikolaevich – Doctor of Geography, Corresponding Member of RAS, Leading Researcher. Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi SC UB RAS, 26 Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Russia, 167982. Email: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru.

REFERENCES

1. *August Lösch as a Philosopher of Economic Space. To the Centenary of the Birth. Seventh Socratic Reading (Vologda, 6–9 May 2006)*. Edited by V.A. Shuper. Moscow, 2007, 331 p. (In Russian).
2. Baklanov P.Ya. Notes on the Article A.N. Pilyasova New Economic Geography (NEG) and its Potential for Studying the Distribution of Productive Forces of Russia. *Regionalnye Issledovaniya – Regional Research*, 2012, no. 2, pp. 166–172. (In Russian).
3. Verlen V. Society, Action and Space. *Alternative Social Geography. Sotsiologicheskoe Obozrenie – Russian Sociological Review*, 2001, no. 2, vol. 1, pp. 25–46. (In Russian).
4. Dmitrieva T.E. Methodology the Action Space. The Specificity of Space Development. *Spatial and Temporal Trends of Socio-Economic Processes in the Russian North*. Edited by V.N. Lazhentsev. Moscow – Syktyvkar, 2012, pp. 8–31. (In Russian).
5. *World Development Report 2009. Reshaping Economic Geography*. Washington: The World Bank, 2009, 33 p. Available at: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2009.pdf> (accessed 15 April 2015). (In Russian).
6. Domansky R. *Economic Geography: The Dynamic Aspect*. Moscow, 2010, 376 p. (In Russian).
7. Krugman P. Space: The Final Frontier. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2005, no. 3, pp. 121–137. (In Russian).
8. Kurichev N.K. New Economic Geography: From Geographical Point of View. *Regionalnye Issledovaniya – Regional Research*, 2011, no. 4, pp. 3–16. (In Russian).
9. Lakatos I. The History of Science and its Rational Reconstruction. *Structure and Development of Science (Boston Studies in the Philosophy of Science)*. Moscow, 1978, pp. 203–235. (In Russian).
10. Minakir P.A., Demyanenko A.N. *Essays on Spatial Economies*. Edited by V.M. Polterovich. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2014, 272 p. (In Russian).
11. Pilyasov A.N. New Economic Geography (NEG) and its Potential for Studying the Distribution of Productive Forces of Russia. *Regionalnye Issledovaniya – Regional Research*, 2011, no. 1, pp. 4–31. (In Russian).
12. Saushkin Yu.G. *Geographical Science in the Past, Present, Future*. Moscow, 1980, 269 p. (In Russian).
13. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge: The MIT Press, 1999, 367 p.